

**ГЕНДЕРНО-КОРРЕКТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ЖЕНСОВЕТ» («ОПЫТ ОТЦА» ДАНИИЛА НОВИКОВА) [3]**

В статье осмысляется проблема гендерно-корректной коммуникации, реализующая на уровне медиадискурса идею «гендерного равенства», связанную с представлениями современного общества о социальных ролях женщины и мужчины.

Ключевые слова: пол, гендер, гендерное равенство, гендерно-корректная коммуникация, медиатекст, дискурс, отцовство.

L. A. Kapitanova

**GENDER CORRECT COMMUNICATION IN THE “ZHENSOVET”
MAGAZINE (“FATHER EXPERIENCE” BY DANIL NOVIKOV)**

The article is devoted to the problem of gender correct communication which implements the idea of “gender equality” in media discourse and modern community conception of male and female social roles.

Key words: sex, gender, gender equality, gender correct communication, media text discourse, fatherhood.

Настоящая статья является логическим продолжением ранее начатого разговора о журнале «Женсовет» [4], новом псковском издании, конкретно — издании регионального отделения общественной организации «Союз Женщин России», воплощающем в печатном слове осуществляемый ею — при поддержке Администрации Псковской области — социальный проект «Крепкая семья — стабильное общество». Отсюда, что также отмечалось в предыдущей статье о «Женсовете», характерный для журнала ярко выраженный «гендерный профиль» с присущей последнему рефлексией прав, возможностей, привилегий женщин и мужчин в гражданской и политической сфере бытия, и что самое важное, «запечатлевший» идею «гендерного равенства», подразумевающего «свободный сознательный выбор мужчинами и женщинами своих социальных ролей независимо от биологического пола» [7]. Такая установка журнала, представленная в его первом номере главным редактором Н. А. Никифоровой как интерес «к любой судьбе, не важно, мужской или женской» [3, 2013, № 1, с. 1], закономерно обеспечила отражение в материалах «Женсовета» «целостности гендерного подхода», а с нею и непреложную гендерно-корректную коммуникацию на страницах журнала, составившую предмет осмысления в данной статье.

Согласно позиции современного белорусского исследователя, под «гендерно-корректной коммуникацией» понимаются приемы и методы нарушения господствующих в обществе дискурсов маскулинности и замена их дискурсами совершенно иного качества», иначе, «включения в масс-медийный дискурс женского и мужского жиз-

ненных опытов, взглядов, мнений на все без исключения проблемы общества» [5], что, собственно, можно наблюдать и в женсоветовских материалах, сопряженных, в первую очередь, с позиционированием гендерного равенства в реализации социальной роли воспитателя/наставника и тем самым постулирующих однопорядковость феноменов материнства и отцовства.

В этой связи стоит вспомнить примечательный факт, отсылающий к названию сборника мемуарных очерков и рассказов, посвященных теме отцов, — «Все о моем отце» [2], озаглавленного по аналогии [10] с фильмом Педро Альмодовара «Все о моей матери» (1999) и тем самым знаменующего выраженное напрямую или вынесенное в подтекст — не важно как, ибо все зависит от переживания конкретного читателя — единое, подобное библейскому «два в одном», отношение к отцу и матери как к нравственной величине и жизненному ориентиру.

Выражением «равноправия» «мужского» и «женского» в социальной практике детства, выступающего концептом гендерно-корректной коммуникации в «Женсовете», стали такие рубрики/разделы журнала, как «Опыт отца. Из блога Даниила Новикова», «Дочки-матери» и «Папины дочки». При этом «опыт отцовства» Даниила Новикова, приемного отца двенадцатилетнего подростка и одновременно председателя псковской общественной организации «Помогай-ка», работающей с детьми-сиротами, имеет особый «удельный вес» в издании, воплощающем социальный проект псковского отделения общественной организации «Союз Женщин России» «Крепкая семья — стабильное общество», ибо, будучи одиноким 31-летним мужчиной, он, соответственно, в единственном числе создал «крепкую семью» для усыновленного мальчика. Если же учесть, что «по статистике всего 7 % судов об опеке заканчиваются в пользу (в данном случае разводящегося. — Л. К.) папы» [6], то, действительно, как пишет и вовсе не женатый Даниил, «в 2013 году сбылась моя мечта!» [3, 2014, № 6, с. 26]. Но одновременно с нею «исполнилась детская мечта — то самое заветное желание, которое ребенок», теперь уже ребенок Даниила, как и многие ему подобные дети-сироты, «загадывал в декабре 2012 года» [3, 2014, № 6, с. 26] — найти себе родителей.

На протяжении шести номеров «Женсовета» (сентябрь 2013, № 1 — февраль 2014, № 6) Даниил Новиков рассказывал о своей «дороге» к сыну, а именно делился первоначальным опытом опекуна и последующим опытом приемного отца, обнаружил завидные умения вести хозяйственные расходы, делать покупки, планировать семейный отдых и пр.

Подобного рода «беседа-информация», как правило, свойственна коммуникации «мужского» типа, согласно И. В. Сидорской [8], «менее ориентированной на собеседника, а скорее на высказывание собственных идей и принципов» и таким образом «по преимуществу монологичной». Однако стоит вновь подчеркнуть, что этот, на первый взгляд, плотный информационный нарратив видится таковым лишь формальному стороннему наблюдателю. Между тем в предоставленных «Женсовету» записках отца, даже при вполне очевидной доле информативности материалов рубрики «Опыт отца» Даниила Новикова, присутствует «элемент» отчетливо выраженной «женской» стратегии коммуникативного поведения, апеллирующей к «беседе, построенной на взаимопонимании» [8]. Иначе, как отмечает исследователь, «такого рода интенция предполагает значительное внимание к обратной связи, трактуемой не просто как

реакция на сообщение, а именно как достижение состояния понятости» [8]. Последнее как раз и свойственно общей тональности отцовского «монолога» Даниила. Хотя безусловным является и то, что его коммуникативное поведение целиком сориентировано на лоббирование идей и ценностей фонда «Измени одну жизнь» [1], которому он помогает и на сайте которого теперь ведет блог о своей семье, по сути, реализовавшей миссию данного Благотворительного фонда — «содействовать тому, чтобы у каждого ребенка была семья». Собственно, в том, что в 2013 году с сайта Фонда удалили около 200 анкет — дети нашли свои семьи, была и заслуга Даниила, помогавшего снимать видеоанкеты детей-сирот. Но главное, в число этих двухсот детей входил и Игорь, воспитанник одного из интернатов Псковской области, ставший его сыном. Заметим, что в том же 2013 году в Псковской области в два раза по сравнению с 2012 годом сократилось количество вновь выявленных детей-сирот, на 20 % уменьшилось количество отказов от родительских прав на новорожденных [3, 2014, № 8, с. 26], чему, без сомнения, наряду с деятельностью государственных органов соцзащиты способствовала работа псковской общественной организации «Помогайка» под председательством Даниила Новикова.

Вместе с тем, возвращаясь к мысли об отражении сближения интенций «женского» и «мужского» коммуникативного поведения в текстовом «поле» «Опыта отца» [4], особо подчеркнем присутствующее в нем преодоление традиционной патриархальной иерархии «мужское/женское» в пользу равноправия «сторон» в отношении «детского» вопроса, другими словами, равновеликости социальной роли отца и матери, закономерно инициирующей гендерно-корректную коммуникацию в материалах Даниила. Правда, сам он в утверждении гендерного равенства идет от противоположного, а именно доминирования в социуме «гендерных стереотипов», т. е. «устойчивых представлений о том, что положено, «дозволено» женщине в данном обществе» [7]: «<...> 30-летний мужчина с ребенком, как это не несправедливо, в нашем обществе — не то же самое, что 30-летняя мать-одиночка» [3, 2013, № 2, с. 25]. Но одновременно Даниил, например, не склоняется к восстановлению общественной справедливости в отношении женщины путем признания поражения (ведущего свой отсчет с ситуации «русский человек на rendez-vous») «мужского сознательного» перед «женским бессознательным», а потому в выборе мальчика как потенциального приемного сына он отказывается руководствоваться — чисто по-женски — эмоциями («выйдет очередной ребенок, и в душе «щелкнет» — вот он, «свой»), предпочитая женской бессознательной зоркости мужскую рациональность («После съемок до дома было 150 километров, и этого расстояния хватило, чтобы принять решение: к весенним каникулам Игорь будет жить у меня. Нет, не потому, что «щелкнуло». И не потому, что последняя случайная съемка — «это знак». Нет. Просто я осознал, что можно и дальше искать мистического «своего», но есть вот этот, конкретный мальчик. Он хочет жить в семье. А я хочу вытащить его из этого интерната и сделать так, чтобы у него в жизни все было хорошо» [3, 2013, № 2, с. 26]. Впрочем, читательскому восприятию очевидно и то, что нередко текст «Опыта отца» «прошит» «гендерной чувствительностью» [9, с. 81], за которой в данном случае стоит «умение видеть» общественную проблему детского сиротства «в гендерно разделенном ракурсе», т. е. каким образом эта проблема затрагивает мужчин, а каким — женщин. Симптоматичным в этом отношении представляется прощальное для Игоря фотографирование на фоне интер-

ната, ибо в восприятии картины прощания мальчика с его прежним существованием ощущается синхронизация обоих ракурсов, женского и мужского, при очевидном их «равноправии» в рефлексии этого важного момента жизни ребенка. Тем более что двойное — мужское-женское — видение минут расставания Игоря с сиротством проецирует вовне текст, принадлежащий одному человеку, продуцирующему в нем, соответственно, гендерно-корректную коммуникацию.

Так, рациональный мужской «взгляд», вооруженный объективом фотоаппарата, с удовлетворением фиксирует исключительно удачно складывающееся начало детской новой жизни, которое кроме всего прочего будет счастливо задокументировано снимками в семейном альбоме. И совсем иное в этой же сцене вбирает в себя эмоциональный женский «взгляд»: «Из-за яркого света экспозиция никак не хотела выстраиваться, пришлось делать много дублей. Как только кадр получился, Игорек моментально запрыгнул в автомобиль — ему не хотелось тут больше оставаться» [3, 2013, № 3, с. 19], — как это обычно бывает, бессознательно провидящий в поспешных движениях мальчика детскую неуверенность в состоявшемся вступлении в абсолютно иную для него жизнь — с домом и отцом. И разве не о ней, столь долго удерживаемой детским сознанием неуверенности в обретении счастья идет речь в заключительном тексте Даниила, когда он замечает, что только «за девять месяцев в семье» Игорь «стал по-другому улыбаться и иначе смотреть в глаза<...> — уже подолгу, без опаски, понемногу открывая замочки своих эмоций <...>» [3, 2014, № 6, с. 26–27]. Но что прежде всего стоит отметить в закрывающем рубрику «Опыт отца» материале, — это то, что в нем автор выстраивает не свойственный коммуникации «мужского типа» «тихий разговор, без напористости», а главное, нуждающийся в «обратной связи» [4], конкретно — сопереживании, особенно в том месте, где он непосредственно обращается к детям, «которые по страшной несправедливости растут без родителей» и которым Даниил желает «не отчаиваться и продолжать верить, что Чудо случится» [3, 2014, № 6, с. 27].

Таким образом, из всего вышесказанного нетрудно заключить, что в «Опыте отца» Даниила Новикова происходит заметное преодоление маскулинности путем включения в сферу авторского сознания женского и мужского социального опыта переживания проблем современного общества, в том числе проблемы детского сиротства. Отсюда рубрика «Опыт отца» в определенном смысле выполняет функцию концепта «Женсовета», направляющего разработку темы семьи на его страницах в гендерно-корректное русло. Основанием этому не в последнюю очередь является значительный объем «отцовских записок» (в шести номерах) по сравнению с другими рубриками «Женсовета», выступающими коррелятами «Опыта отца». Например, «Дочки-матери» представлены в четырех номерах, «Папины дочки» — в двух. Однако принципиальную значимость материалам Даниила Новикова в контексте анализируемого печатного издания, несомненно, сообщает открытость сознания автора, продуцируемая не только стремлением обратить мир и человека к чужой боли, но также быть способным абсорбировать «чужое» мышление, «чужой» опыт, «чужое» зрение на проблемы сегодняшнего мира и от этого стать еще более восприимчивым к ним.

Литература

1. Благотворительный фонд «Измени одну жизнь». [Электронный ресурс]: URL: <http://changeonelife.ru/>
2. Все о моем отце: Антология. М.: АСТ, Астрель, 2011.
3. Женсовет. Журнал Для влюбленных в Жизнь. Псков. №№ 1–10. Сентябрь 2013 — июнь 2014.
4. Капитанова Л. А. Целостность гендерного подхода как визитная карточка журнала «Женсовет» // ЖУРНАЛІСТЫКА — 2014. СТАН, ПРАБЛЕМЫ І ПЕРСПЕКТЫВЫ. Матэрыялы 16-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (4–5 снежня). Мінск: БДУ, 2014. [Электронный ресурс]: URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/105987/1/Journ_2014.pdf
5. Кулинка Н. Гендерно-корректная коммуникация: Краткое пособие. [Электронный ресурс]: URL: http://gender.do.am/publ/genderno_korrektnej_kommunikacija/5-1-0-144
6. Рыклина В. Право на отцовство. [Электронный ресурс]: URL: <http://changeonelife.ru/2014/11/26/pravo-na-ottsovstvo/>
7. Сидорская И. В. Гендерные стереотипы и способы их преодоления. [Электронный ресурс]: URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/20616>
8. Сидорская И. В. «Женская» и «мужская» стратегии вербального коммуникативного поведения // Иной взгляд. Минск.: ЭНВИЛА. № 1. 2000. С. 23–24. Электронный вариант статьи предоставлен автором и цитируется с его разрешения.
9. См. об этом: Сидорская И. В. Репрезентация гендера в текстах СМИ // Идеология белорусского государства в процессе формирования личности специалиста: сб. статей / Под ред. О. Г. Слуки (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2012. С. 74–84.
10. Сусанна Альперина (блог автора). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rg.ru/2011/06/02/kniga-poln.html>